

сказалось влияние на Кейля традиций протестантской Германии, тогда воззрения обоих ученых на задачу науки вполне совпадут.

Указанная Кейлемь и Кауленомь постановка науки должна быть признана во всехъ отношениях неудачною и неправильною. Стремление доказать известное предвзятое положение и опровергнуть ему противоположное не можетъ быть положено въ основу науки, потому что это противорѣчило бы кореннымъ научнымъ принципамъ. По обстоятельствамъ времени тотъ или другой отдѣлъ науки, естественно, можетъ принимать полемическую или апологетическую окраску, но чтобы вся наука завѣдомо носила подобный характеръ—это явление невозможное, или, если возможное, то уродливое. Если мы еще припомнимъ, что, по Каулену, наука о Священномъ Писаніи должна не только разрѣшать возраженія уже сдѣланныя, но и возможные, то она получаетъ совершенно схоластическій характеръ. Мы нисколько не желаемъ умалить значеніе апологетики, но желаемъ указать на то обстоятельство, что защитѣ известныхъ принциповъ и положеній должна предшествовать выработка или отысканіе этихъ принциповъ и положеній; въ противномъ случаѣ, апологетика не имѣетъ смысла. Необходимо сначала уяснить себѣ, что именно требуетъ защиты и требуетъ ли, а затѣмъ уже, совершивъ положительную работу, предаваться апологетической дѣятельности.

Изъ самаго послѣдняго періода въ исторіи русской богословской науки можно было бы набрать цѣлую серію поучительныхъ и любопытныхъ примѣровъ того, къ чему приводитъ неосмысленная стихійная апологетика: очень часто апологеты, не давъ себѣ труда напередъ уяснить положительную сторону дѣла, теряютъ всякую возможность отличить въ трудахъ своихъ противниковъ пшеницу отъ плевелъ и въ психологически понятномъ полемическомъ увлеченіи неразбираютъ враговъ отъ союзниковъ, относятся подозрительно ко всему, идущему изъ мнимовраждебнаго лагеря, по словицѣ: *timeo Danaos et dona ferentes*. Далѣе: апологетическая задача, навязанная наукѣ Свящ. Писанія, необходимо сообщала бы наукѣ неустойчивый, случайный характеръ и ставила бы ея поступательное развитіе въ тѣнѣвшіую и раб-

скую зависимость от умственного движенія въ средѣ такъ называемой отрицательной критики. Представимъ себѣ, что въ одно прекрасное время перевелись бы какимъ бы то ни было образомъ отрицательные критики, тогда проектируемая Кейлемъ и Кауленомъ наука оказалась бы въ весьма невыгодномъ положеніи: пришлось бы воспользоваться совѣтомъ Каулена „разрѣшать возраженія возможныя“, т. е. (перифразируя извѣстное изреченіе Вольтера)—не будь отрицательныхъ критиковъ, необходимо было бы ихъ выдумать. Такимъ образомъ, существованіе науки съ принципиально-апологетическимъ направленіемъ можетъ покониться лишь на томъ упованіи, что никогда не будетъ недостатка въ отрицательныхъ критикахъ, и слѣдовательно, всегда хватитъ матеріала для полемики.

Но главное еще не въ этомъ: тѣ результаты, къ достиженію которыхъ должна стремиться наука Священнаго Писанія, согласно воззрѣніямъ Каулена, Кейля и имъ подобныхъ, не могутъ быть достигнуты, и поставленныя задачи въ приложеніи къ частнымъ отдѣламъ не могутъ быть признаны практически осуществимыми. Именно: Кауленъ, Кейль и пр. возлагаютъ на изслѣдователя трудъ доказать боговдохновенность, подлинность, неповрежденность и каноническое достоинство свящ. книгъ.

Начнемъ съ боговдохновенности. Какъ извѣстно, не ко всѣмъ книгамъ ветхозавѣтной Библии согласно прилагается эпитетъ боговдохновенныхъ; напримѣръ, католическая Церковь насчитываетъ боговдохновенныхъ книгъ гораздо болѣе, чѣмъ православная; поэтому доказательство боговдохновенности не можетъ а priori распространяться на всѣ книги. Во всякомъ случаѣ, позволительно надѣяться, что наука Свящ. Писанія можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ вмѣсто того, чтобы, стоя на чисто конфессіональной почвѣ, у католиковъ доказывать, у православныхъ и протестантовъ, напротивъ, опровергать боговдохновенность однихъ и тѣхъ же книгъ. Затѣмъ, прежде чѣмъ доказывать и опровергать, необходимо историко-аналитическимъ путемъ выяснитъ, что собственно содержится въ понятіи боговдохновенности по мысли самихъ священныхъ писателей и по церковному ученію и опредѣлитъ тотъ критерій, по которому однѣ книги призна-

вались за боговдохновенныя, другія нѣтъ: однѣ вошли въ канонъ, а другія остались внѣ его. Если вопросъ о боговдохновенности поставить въ зависимость отъ вопроса о подлинности, какъ дѣлаетъ Кейль и многіе другіе, и признавать боговдохновенными книги, принадлежащія извѣстнымъ боговдохновеннымъ мужамъ, и тогда дѣло окажется не въ лучшемъ положеніи. Многія книги Ветхаго Завета написаны неизвѣстными лицами, напр.: Руѣ, книги Царствъ, Паралипоменонъ, нѣкоторые изъ псалмовъ и др.; во многихъ книгахъ отдѣльныя части, по общему признанію, не принадлежатъ тѣмъ священнымъ писателямъ, которыми составлены цѣлыя книги: напр., повѣствованіе 34 главы Второзаконія о смерти Моисея въ Пятокнижій Моисеевомъ, въ книгѣ Іисуса Навина повѣствованіе о смерти этого послѣдняго ¹⁾ и многія другія. При доказываніи подлинности во что бы ни стало, изслѣдователь принужденъ былъ бы по временамъ съ нежелательною строгостью относиться ко многимъ изъ древнихъ авторитетныхъ отцевъ и учителей Церкви, позволявшихъ себѣ свободно разрѣшать вопросъ о подлинности въ примѣненіи, напр., къ книгѣ Іисуса Навина: въ разрядъ отрицательныхъ критиковъ былъ бы занесенъ бл. Теодоритъ, потому что онъ считаетъ книгу Іисуса Навина за извлечение изъ „книги праведнаго“, а не приписываетъ ея Іисусу Навину ²⁾. Въ той же категоріи оказался бы составитель Синописа, приписываемаго Св. Афанасію Александрійскому ³⁾, и многіе другіе. Что въ древности на вопросъ о подлинности смотрѣли иначе, чѣмъ смотрять теперь многіе ревнителі якобы древлеотеческихъ преданій, можно видѣть изъ приведенныхъ нами выше словъ Св. Григорія Великаго ⁴⁾, который съ своими взглядами далеко не представляетъ явленія единичнаго и исключительнаго.

Теперь, что касается вопроса о неповрежденности, то чистое апріорное понятіе о ней исчезаетъ при первомъ болѣе или менѣе внимательномъ сличеніи однѣхъ библейскихъ книгъ и мѣстъ съ другими, еврейскаго масоретскаго текста

1) 24, 29—30.

2) Твор. блаж. *Теодорита* ч. I. Изд. 2. 1905. Стр. 240, вопр. 14.

3) См. слав. Библію изд. 1758 г., л. 34 об. (о кн. Іис. Нав., въ началѣ).

4) См. стр. 8.

съ древними переводами. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ самъ Кауленъ о книгахъ Самуила: „Въ (текстуально) критическомъ отношеніи книги Самуила нѣсколько пострадали и при существующихъ вспомогательныхъ средствахъ едва-ли можно рассчитывать на основательное исправленіе текста“¹⁾, и нѣсколько выше: „во всякомъ случаѣ, книги Самуила въ ихъ настоящемъ видѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя неточности, но зависяція единственно отъ испорченности текста“. О степени измѣненій, вкравшихся въ свящ. текстъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, можно судить, напр., по двумъ редакціямъ книги Іереміи (одна сохранилась въ евр. Библии, другая—въ переводѣ LXX), по двумъ редакціямъ псалма 18-го (одна въ Псалтири, другая въ книгахъ Царствъ)²⁾ и многочисленнымъ другимъ даннымъ, имѣющимъ прочное научное значеніе. Доказательства достовѣрности свящ. книгъ, раскрываемыя путемъ положительнымъ, не могутъ имѣть надлежащей убѣдительной силы, потому что, въ этомъ случаѣ, наибольшую важность должны имѣть отрицательныя инстанціи, предъявленія которыхъ изслѣдователь долженъ ждать со стороны отрицательной критики; вслѣдствіе чего опять-таки поступательное движеніе науки будетъ опредѣляться внѣшними по отношенію къ ней условіями, если апологетъ не приметъ на себя, какъ предполагаетъ Кауленъ, измышленія возможныхъ возраженій противъ достовѣрности. Обычный способъ доказывать достовѣрность свящ. книгъ ссылками на историческіе памятники, преданія и историческія записи другихъ народовъ древности не оправдываетъ возлагаемыхъ на него надеждъ: помимо того, что эти ссылки и сопоставленія не всегда удачны, они носятъ слишкомъ частный характеръ, т. е. подтверждаютъ, напр., извѣстія Библии о существованіи отдѣльнаго географическаго пункта, историческаго лица, факта и под., и если перенести эту аргументацію изъ библейской сферы въ сферу преданій и легендъ другого народа, то тѣмъ же самымъ путемъ и съ одинаковымъ успѣхомъ, на основаніи раскопокъ Шлимана и другихъ, на предположеніи о мѣстѣ древней Трои можно аргументировать въ пользу достовѣрности Илиады.

---

1) S. 192.

2) 2 Цар., гл. 22.

Итакъ путь, по которому идутъ Кауленъ и Кейль въ области науки Свящ. Писанія, не можетъ быть признанъ правильнымъ и приводящимъ къ цѣли: полемико-апологетическая постановка науки должна быть оставлена. И сами названные ученые не выдерживаютъ строго принятой ими точки зрѣнія, и по этой лишь причинѣ ихъ труды имѣютъ нѣкоторое научное значеніе.

Вторая группа ученыхъ, появившихся сравнительно въ очень недавнее время, какъ мы сказали, проектируетъ изучать Библию на тѣхъ же началахъ и по тѣмъ же методамъ, которые составляютъ общую принадлежность всякой исторіи литературы, даютъ изслѣдованію исторической и историко-критической характеръ и предлагаютъ для науки Священнаго Писанія названія: „исторіи библейской литературы, исторія ветхозавѣтной или новозавѣтной священной письменности, исторія Библии“ и под. Въ этомъ же направленіи составлены нѣкоторыя изъ новѣйшихъ руководствъ, носящихъ имя „введеній“ (напр., Riehm'a, Bleek'a—въ обработкѣ, сдѣланной Велльгаузеномъ).

Ученые этой категоріи не составляютъ пока большинства, но ихъ труды даютъ поводъ къ самымъ страннымъ опасеніямъ относительно ближайшей судьбы ветхозавѣтной науки. Что касается русскаго общества, сколько—нибудь прикосновеннаго къ богословскимъ интересамъ, то въ немъ многіе считаютъ опаснымъ уже то обстоятельство, что попытки дать наукѣ историческую постановку идутъ со стороны *новѣйшихъ* ученыхъ,—это во-первыхъ; во-вторыхъ, и это можетъ быть болѣе важно, эти ученые принадлежатъ Западу; а Западъ, какъ извѣстно, истощилъ свою умственную производительность, сказалъ свое послѣднее слово въ наукѣ и долженъ терпѣливо ожидать того блаженнаго момента, когда *мы* соберемся вымолвить *новое* слово и вдохнуть новыя жизненныя силы въ умирающій духовный организмъ. Неизвѣстно еще, будетъ-ли когда—нибудь произнесено животворящее слово и къмъ именно (разумѣется, было бы пріятно, если бы это было сдѣлано нами); но въ настоящее время его еще не произнесли и потому мы не въ правѣ, во имя нашего блестящаго будущаго, можетъ быть, весьма отдаленнаго, относиться пренебрежительно и враждебно къ

трусамъ другихъ лишь на томъ основаніи, что они не принадлежать намъ самимъ. Весьма странно и прискорбно видѣть, что въ сферѣ библейской науки слова *новѣйшіе ученые* почти обратились въ слова бранныя и очень часто произносятся съ презрительной усмѣшкой, или съ скорбнымъ сожалѣніемъ, или даже съ нѣкоторымъ страхомъ и отвращеніемъ. Мы могли бы пояснить эти слова многими примѣрами, заимствованными изъ ученыхъ и полуученыхъ сочиненій русскихъ богослововъ. Между тѣмъ, браня западную науку и ученые труды, мы питаемся ихъ же плодами, иногда сами того не замѣчая; что касается нашей науки—библіологія, то въ этой области мы обязаны этимъ самымъ *новѣйшимъ* западнымъ ученымъ почти всѣмъ: лучшія изданія текстовъ (оригинальныхъ и переводныхъ), безъ которыхъ и шагу нельзя ступить при изученіи Библии, сдѣланы ими; когда понадобилось разобрать драгоценныя сокровища Петербургской Библіотеки, состоящія изъ множества древнееврейскихъ библейскихъ кодексовъ, пришлось выписывать изъ заграницы свѣдущихъ людей—Гаркави и Штракка¹⁾; у насъ даже нѣтъ ни одного своего сколько-нибудь сноснаго библейскаго филологическаго и предметнаго словаря, нѣтъ толкованій на многія книги Свящ. Писанія; и если бы заграничныя таможенн. получили запретъ высузывать къ намъ произведенія западнаго ума по части библейской науки, то на нѣкоторое время мы очутились бы въ томъ же положеніи, въ какомъ находилась бы Германія послѣ запрещенія вывозить рожь изъ Россіи. Исторія ясно показываетъ, что боязливое предубѣжденіе и враждебная подозритель-

---

¹⁾ Это сообщеніе не вполне соответствуетъ дѣйствительности. Извѣстный ориенталистъ Гаркави—русскій уроженецъ и получилъ образованіе въ Петербургскомъ университетѣ; а Г. Штраккъ „въ 1873 г. былъ командированъ прусскимъ правительствомъ въ С.-Петербургъ для изслѣдованія отдѣла рукописей Имп. публичной библіотеки и выѣхалъ съ А. Гаркави составилъ описаніе библейскихъ рукописей, изданное подъ загл. „Katalog der hebräischen Bibelhandschriften in St.—Petersburg“ (1875) (Энциклоп. Слов. изд. Брокгауза и Ефрона, тт. 15 и 78). Штраккомъ изданъ хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ *Prophetarum posteriorum codex babilonicus Petropolitani* (въ 1876 г.).

ность къ результатамъ новѣйшей науки и къ трудамъ новѣйшихъ ученыхъ есть явленіе болѣзненное и зарождается въ затхлои духовной атмосферѣ, требующей тщательной умственной дезинфекціи. Если христіанство есть синонимъ истины, а инымъ оно и быть не можетъ, ибо тогда перестало бы быть христіанствомъ; то христіанинъ долженъ смиренно принимать истину, откуда бы она ни шла, слѣдуя мудрому совѣту Апостола Павла: *вся искушающе, добрая держите*¹⁾ и избѣгая самодовольногордаго іудейскаго духа, охарактеризованнаго тѣмъ же Апостоломъ²⁾. Въ оправданіе суровой подозрительности по отношенію къ „новѣйшимъ“ представителямъ историческаго направленія въ наукѣ Священнаго Писанія въ настоящее время мы даже не можемъ прибѣгнуть къ обычному упреку въ рационализмѣ, чтобы дискредитировать всѣ ихъ труды излюбленнымъ силлогизмомъ: они рационалисты и, какъ такіе, отвергають Божественное сверхъестественное Откровеніе, пророчества и чудеса: слѣдовательно, ихъ работы основаны на предвзятыхъ и недоказанныхъ предположеніяхъ сомнительнаго свойства и потому не заслуживають вниманія. Въ числѣ богослововъ исторической школы въ послѣднее время немало такихъ, которые не могутъ быть заподозрѣны со стороны искренности христіанскихъ убѣжденій, и многимъ изъ нихъ нужно отдать честь за ревностное проведеніе ихъ въ жизнь: таковъ, напр., извѣстный Colenso, авторъ обширнаго историко-критическаго труда о Пятокнижии и книгѣ Іисуса Навина³⁾, одинъ изъ выдающихся епископовъ англиканской церкви, который посвятилъ себя самоотверженной миссіонерской дѣятельности среди африканскихъ дикарей кафровъ и готтентотовъ и много потрудился надъ переводомъ Библіи на туземные языки.

Если чѣмъ можно извинить доморощенные укоризненные и пренебрежительныя сужденія о новомъ направленіи въ библейской наукѣ, такъ это тѣмъ, что они повторяются съ

1) 1 Сол. 5, 21.

2) Рим. 2, 17 дал.

3) The Pentateuch and Book of Ioshua critically examined by the right rev. J. W. Colenso, D. D. Bishop of Natal.

чужого голоса и приобретают особенную силу въ связи съ ложно понятыми и дурно направленными національно-патріотическими стремленіями.

На Западѣ постановка библейской науки, какъ „исторіи Библіи“, вызываетъ возраженія, которыя только отчасти происходятъ изъ предубѣжденій противъ всякой новизны (и на Западѣ въ нихъ нѣтъ недостатка, только тамъ они выражаются въ болѣе или менѣе благовидной формѣ и чужды націоналистическаго оттѣнка). Западные богословы опасаются, какъ бы наука Священнаго Писанія, при исторической постановкѣ, не утратила своего богословскаго характера и, отдѣлившись отъ богословія, не была низведена на уровень прочихъ свѣтскихъ наукъ и не обратилась въ обыкновенную исторію литературы (такъ, напр., рассуждаетъ Riehm¹). И эти опасенія нужно признать призранными. Введеніе историческаго метода въ изслѣдованіе Священнаго Писанія и сопровождающія его критическія изысканія нисколько не угрожаютъ разрушить истинныя основы христіанскаго познанія и нравственности: тѣмъ болѣе, что иныхъ путей къ научному усвоенію богооткровенной истины нѣтъ. Сверхъестественное Откровеніе можетъ сдѣлаться предметомъ науки при помощи тѣхъ средствъ, какими располагаетъ естественный разумъ человѣческій, не лишенный въ своей дѣятельности руководительства Божественнаго (естественное Откровеніе); и эти средства и способы не могутъ различаться по существу отъ обыкновенныхъ методологическихъ приемовъ всякой науки, стремящейся къ изслѣдованію истины. Путь къ постиженію Свящ. Писанія методомъ историческимъ пролагаютъ сами свв. отцы, которые, хотя не могли имъ пользоваться во всей широтѣ, по обстоятельствамъ своего времени, тѣмъ не менѣе ясно сознавали его важность и необходимость, что и выражали въ своихъ писаніяхъ съ полною опредѣленностью. Св. Кирилль Александрійскій, котораго преимущественно предъ прочими считаютъ догматистомъ, чуть не на каждой страницѣ своихъ толкованій настоятельно убѣждаетъ въ необходимости историческаго изученія Библіи, указываетъ на историческую

---

¹) S. 6.

ситуацію священ. писателєй, какъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ, опредѣлявшихъ содержаніе, форму и характеръ сообщеннаго чрезъ нихъ Божественнаго Откровенія. Такъ въ толкованіи на пророка Исаію онъ замѣчаетъ: „тѣмъ, которые намѣрены объяснить столь тонкій и прикровенный смыслъ (пророческихъ) созерцаній во всей полнотѣ, полагаю, необходимо имѣть весьма ясное представленіе о точномъ смыслѣ историческаго повѣствованія... Пророческое слово приличествовало и вполнѣ соотвѣтствовало событіямъ и обстоятельствамъ извѣстнаго времени“¹⁾. Отождествить съ исторією еврейской литературы исторія Библии не можетъ. Самый предметъ науки обладаетъ такими свойствами, что при правильномъ истинно-историческомъ отношеніи къ нему, изслѣдованіе необходимо сводится къ опредѣленнымъ и яснымъ границамъ и получаетъ, необходимо же, и преобладающій богословскій характеръ. Предположимъ, что мы приступили бы къ изученію Библии Ветхаго Завѣта съ чисто-литературной точки зрѣнія. Тогда, въ предѣлахъ ветхозавѣтнаго же періода, помимо книгъ, находящихся въ Библии, намъ могли бы указать немало другихъ литературныхъ памятниковъ религіознаго, историческаго, философскаго содержанія, каковы, напр., Книга Еноха, Завѣты 12 патріарховъ, Псалмы Соломона, сочиненія Аристовула. Оставить ихъ безъ вниманія мы не имѣемъ права, если не пожелаемъ измѣнить общелитературной точки зрѣнія, разъ нами принятой: какъ продуктъ творчества еврейскаго народнаго духа одинаковый интересъ представляютъ и книга Исаи и книга Еноха, Псалтирь и апокрифическіе псалмы Соломона; и вообще въ исторію ветхозавѣтной литературы должны войти всѣ существующіе памятники ветхозавѣтнаго періода; если же они войдутъ, то исчезнетъ и понятіе о литературѣ собственно-библейской: эта послѣдняя будетъ поглощена исторією литературы національной—еврейской, или іудейской. Но еврейство не умерло съ наступленіемъ новозавѣтнаго періода, не прекратило своей литературной дѣятельности и понынѣ, а потому, поставивъ объектомъ науки національно-еврейскую литературу, мы должны будемъ переступить въ предѣлы новозавѣтной

¹⁾ Творенія *Св. Кирилла Алекс.* Ч. 6-я. М. 1887. Стр. 5—6.

исторіи; здѣсь же библейская письменность перестаетъ быть исключительнымъ достояніемъ еврейскаго народа и его духовнаго творчества, и еврейство идетъ совсѣмъ особеннымъ историческимъ путемъ, слѣдить за которымъ не дѣло библейской науки. Такимъ образомъ, само собой окажется, что принятая точка зрѣнія неправильна.

Конечно, въ Библии мы имѣемъ собраніе *литературныхъ* памятниковъ еврейства, а потому исторія Библии должна близко соприкасаться и иногда совпадать съ исторіей еврейской литературы, но научный интересъ къ Библии не ограничивается изслѣдованіемъ отдѣльныхъ памятниковъ: онъ направляется, и даже главнымъ образомъ, на то, какъ, по какимъ причинамъ появилось собраніе, извѣстное подъ именемъ Библии, какими условіями опредѣлялось включеніе однихъ произведеній въ это собраніе и невключеніе другихъ: — т. е. по необходимости долженъ быть поставленъ вопросъ о канонѣ. А съ понятіемъ о канонѣ мы выходимъ изъ области литературы. Литература не знаетъ канона; если она принадлежитъ живому народу, она можетъ обогащаться новыми произведеніями; если мертвому,—то можно всегда ожидать открытія памятниковъ или забытыхъ или считавшихся утраченными. Въ Библии не то: что утрачено, то не можетъ быть введено въ нее, если бы и было найдено; равнымъ образомъ, и появленіе новыхъ твореній религіознаго характера не можетъ увеличить ея содержанія. Рассматривая процессъ образованія канона и факторы, опредѣлявшіе его направленіе, библейская наука, естественно, возвышается надъ областью обычныхъ литературно-эстетическихъ понятій и углубляется въ исторію откровенной религіи, яснѣе—въ исторію Церкви, собирательницы и хранительницы священнаго канона. Итакъ, исторія Библии не можетъ обратиться въ обыкновенную исторію литературы и по самому существу дѣла не можетъ быть отторгнута отъ организма богословскихъ наукъ. Историческая постановка библейской науки, такимъ образомъ, не можетъ быть признаваема зловредной выдумкой свободомыслящихъ, пристрастныхъ къ новизнѣ ученыхъ. Напротивъ: она есть результатъ общаго научнаго стремленія новѣйшаго времени, по которому, напр., догматика обращается въ исторію христіанскаго догмата,

гомилетика въ исторію проповѣди, нравственное богословіе въ исторію христіанской этики; а сравнительно съ поименованными науками, наука о Библии имѣетъ большее право на пользованіе историческимъ методомъ.

Противъ указанной постановки можетъ быть поставлено одно только возраженіе, имѣющее сколько нибудь серьезный характеръ, именно: можно усомниться въ возможности дать исторію Библии при существующихъ условіяхъ, т. е. при недостаточности научнаго матеріала, несовершенствѣ его разработки и пр. (Strack ¹⁾). Въ подтвержденіе этого сомнѣнія можно бы указать на многіе труды, исполненные въ этомъ направленіи и вообще страдающіе крупными недостатками, несвободные отъ увлеченій, промаховъ, заблужденій и под. Но какая историческая наука можетъ похвалиться достаточнымъ количествомъ матеріала, совершенствомъ его разработки и отсутствіемъ погрѣшностей въ своихъ результатахъ? Мало матеріала: нужно собрать больше; плохо онъ разработанъ: нужно разработать лучше; а совершенство въ научной конструкціи — вещь достигаемая, но недостижимая. Тѣмъ менѣе можно упрекать за эти, свойственные всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія недостатки науку Священнаго Писанія, что она начала свое бытіе на новыхъ началахъ еще въ очень недавнее время.

Итакъ, по нашему искреннему убѣжденію, наука о Свящ. Писаніи Ветхаго Заветъа должна быть *исторіей ветхозавѣтной Библии*, или исторіей ветхозавѣтнаго канона (въ широкомъ смыслѣ этого слова), какъ собранія книгъ, которыя заключены въ извѣстный законченный сводъ съ именемъ Библии и признаются іудейской синагогой и христіанской Церковью за книги священныя, или боговдохновенныя. Ея задача—изучить происхожденіе Библии и ея дальнѣйшую судьбу. Эта общая задача, по свойству самаго предмета, расчленяется на нѣсколько частныхъ задачъ. Именно: священныя книги, входящія въ составъ цѣлаго, не сразу образовали изъ себя канонъ; канонъ слагался постепенно въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и образованію цѣлаго предшествовало появленіе отдѣльныхъ частей, т. е. сначала

---

¹⁾ S. 5.

отдѣльных книгъ, а затѣмъ извѣстныхъ частныхъ группъ, изъ нихъ составленныхъ. Поэтому, прежде всего наше вниманіе должно быть обращено на происхожденіе отдѣльныхъ книгъ ветхозавѣтной Библии. Этотъ отдѣлъ долженъ имѣть преобладающій критико-аналитическій характеръ и дать въ результатъ обзоръ свящ. книгъ въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно послѣдовательности ихъ появленія, въ связи съ историческими обстоятельствами и условіями духовно-религіозной жизни тѣхъ эпохъ, къ которымъ относятся ихъ авторы. Когда будетъ выполнена эта задача, можно будетъ приступить къ разрѣшенію вопроса о соединеніи книгъ въ одно цѣлое, т. е. къ исторіи канона въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Выяснивъ генезисъ Библии, историкъ не можетъ на этомъ остановиться: онъ долженъ прослѣдить ея дальнѣйшую судьбу со времени заключенія канона до позднѣйшаго времени, т. е. исторію распространенія ея въ подлинномъ текстѣ и переводахъ, исторію религіозно-практическаго и научно-богословскаго пользованія ею, указать, какъ слагались и какого характера были отношенія къ Библии тѣхъ религіозныхъ обществъ, которыя ее хранили и хранятъ, какъ памятникъ Божественнаго ветхозавѣтнаго Откровенія, какъ и гдѣ росло и падало ея значеніе, въ какихъ формахъ выражалось ея вліяніе на жизнь человѣчества.

Въ этомъ видѣ обрабатываемая, наука Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта вступаетъ въ живую и плодотворную связь съ библейской и церковной исторіей; отрѣшаясь отъ прежняго узкофилологическаго направленія, является доступною для большаго числа работниковъ и получаетъ болѣе важное значеніе для соприкосновенныхъ съ нею отраслей богословскаго вѣдѣнія. Доводя исторію Библии до позднѣйшаго времени, она можетъ найти себѣ и непосредственное практическое приложеніе къ современной жизни, помогая разобраться среди шумнаго столкновенія различныхъ взглядовъ и направленій въ догматической области и устанавливая исторически ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на Библию, какъ памятникъ Божественнаго Откровенія: указывая ея истинное отношеніе къ этому Откровенію, можетъ предохранить отъ двухъ противоположныхъ крайностей: съ одной стороны, отъ рабскаго служенія буквъ, до-

ходящаго до степени грѣха противъ второй заповѣди, съ другой—отъ неумѣренно-отрицательныхъ тенденцій, принимающихъ особенно острый характеръ, благодаря увлеченію противоположною крайностью.

Въ заключеніе, мы должны сознаться, что проектированный планъ, осуществленіе котораго не стоитъ внѣ предѣловъ возможности, не можетъ быть выполненъ нами при наличномъ количествѣ лекцій. Мы принуждены ограничиться однимъ только первымъ отдѣломъ науки, т. е. предметомъ нашего курса будетъ „происхожденіе отдѣльныхъ книгъ, входящихъ въ составъ библейскаго канона“, при чемъ, по мѣрѣ возможности, отъ времени до времени мы будемъ предлагать изъясненіе избранныхъ мѣстъ изъ тѣхъ свящ. книгъ, которыя будутъ подлежать нашему изученію.

О НАИМЕНОВАНИИ И СОСТАВѢ БИБЛИИ ВООБЩЕ И ВЕТХАГО ЗАВѢТА ВЪ ЧАСТНОСТИ.

Всѣ письменные памятники богооткровенной религіи обихъ завѣтовъ въ настоящее время заключены въ христіанской Церкви въ одинъ обширный сводъ, за которымъ утвердилось наименованіе „Библии“: „τὰ βιβλία“—„книги“, т. е. книги по преимуществу, книги священныя, боговдохновенныя и под. Употребленіе этого слова для наименованія всего состава Божественнаго Откровенія, какъ обыкновенно полагаютъ, ведетъ свое начало отъ св. Іоанна Златоуста (*de-Wette*, S. 10). Послѣ его смерти указанное обозначеніе всѣхъ священныхъ книгъ получило всеобщее распространеніе на Востокѣ; затѣмъ, съ теченіемъ времени, перешло на Западъ и вытѣснило всѣ другія, до того употребительныя наименованія, какъ напр. Іеронимово и Исидора „*bibliotheca sancta*“ и позднѣйшее „*divina lex*“ (*Keil* S. 506, *de-W.* ib) и пр.

Первую и большую по объему часть Библии составляютъ свящ. книги древнееврейской религіи, обозначаемыя въ христіанской Церкви именемъ: „свящ. книги Ветхаго Завѣта,“ или просто: „Ветхій Завѣтъ“, „ἡ παλαιὰ διαθήκη“, „*vetus testamentum*“, въ противоположность свящ. книгамъ христіанской, религіи, носящимъ имя „Новаго Завѣта“. „ἡ καινὴ διαθήκη“,

„*novum testamentum*“. Название „Ветхий Заветъ“ заимствовано изъ 2 Кор. 3, 14, гдѣ Апостоль Павелъ говоритъ о покрывалѣ, лежащемъ на очахъ Иудеевъ *при чтеніи Ветхаго Завета*.

Въ языкѣ Новаго Завета терминъ *διαθήκη* имѣетъ два основныхъ значенія: „договоръ“ и „завѣщаніе“ (см. Cremer ¹⁾),— произв. отъ *τίθημι*). Въ первомъ онъ соотвѣтствуетъ еврейскому *ברית* и обозначаетъ установленную норму взаимныхъ отношеній между двумя юридическими лицами, изъ которыхъ для каждаго лица вытекаютъ особенныя права и обязательства. Это понятіе вполне соотвѣтствуетъ тому именно религіозно-юридическому характеру отношеній, которыя имѣютъ мѣсто въ подзаконной Церкви между Иеговою и Его избраннымъ народомъ: союзъ между теократическимъ народомъ и его царемъ Иеговою былъ основанъ на формальномъ договорѣ, скрѣпленномъ обоюдными клятвенными обѣщаніями; и нарушение принятыхъ на себя обязательствъ одной стороны, т. е. народомъ, влекло за собою необходимо перемѣну отношеній къ нему со стороны Иеговы.

Въ примѣненіи къ новой формѣ религіозныхъ отношеній, въ которыя вступило человѣчество къ Богу въ искупительной смерти Иисуса Христа, значеніе *διαθήκη* въ смыслѣ „договоръ“, *foedus, pactum* уступаетъ мѣсто другому: „завѣщаніе, завѣтъ, *testamentum*“. Иисусъ Христосъ, сказано въ посланіи къ Евреямъ, *есть Ходатай новаго завѣта, дабы вслѣдствіе смерти Его, бывшей для искупленія отъ преступленій, сдѣланныхъ въ первомъ завѣтѣ, призванные къ вѣчному наслѣдію получили обѣтованное. Ибо гдѣ завѣщаніе, (сл. завѣтъ), тамъ необходимо, чтобы послѣдовала смерть завѣщателя, потому что завѣщаніе дѣйствительно послѣ умершихъ: оно не имѣетъ силы, когда завѣщатель живъ* ²⁾. Та же идея высказывается во многихъ другихъ мѣстахъ новозавѣтныхъ писаній (Гал. 3, 15. 17; Римл. 9, 4; 11, 27; 1 Кор. 11, 25 и др.,—см. Cremer'a). Изъ сказаннаго ясно, что терминъ *διαθήκη*, въ значеніи „договоръ“, приложимъ къ религіи Церкви подзаконной, но не соотвѣтствуетъ религіи Христа; въ значеніи „завѣщаніе, завѣтъ,

¹⁾ *Biblich—theologisches Wörterbuch der Neutestamentlichen Gräcität. 2-te Aufl.—Gotha, 1872; 9-te Aufl.—Gotha 1902.*

²⁾ *Евр. 9, 15—17.*

testamentum“ вѣрно выражаетъ характеръ отношеній, наступившихъ въ царствѣ благодати, но непримѣнимъ къ религии ветхаго Израиля. Посему въ наименованіи двухъ частей Библии, соотвѣтствующихъ двумъ эпохамъ исторіи Божественнаго Откровенія, Ветхимъ и Новымъ *Завѣтомъ* „Testamentum vetus, novum“ нельзя не видѣть нѣкоторой неточности. Болѣе точною была бы передача термина *διαθήκη* словомъ „союзъ, foedus, religio“, которое могло бы обнимать собою обѣ формы религиозныхъ отношеній—иудейство и христіанство.

Славянскій терминъ „завѣтъ“, освященный употребленіемъ православною русскою Церквю, ведетъ свое происхожденіе отъ латинскаго *testamentum*. Этимъ словомъ вездѣ передается греческое *διαθήκη* въ древнѣйшемъ латинскомъ переводѣ *Italia* и въ Вульгатѣ. Изъ свидѣтельства *Тертуліана* (*adv. Marc. IV, 1*) видно, что уже въ концѣ 2-го вѣка въ Западной Церквю названія *Vetus, Novum Testamentum* были во всеобщемъ употребленіи (*duos deos dividens [Marcion] alterum alterius Instrumenti vel quod magis usu est dicere Testamenti*) ¹⁾. Другимъ распространеннымъ въ древней Западной Церквю, но менѣе употребительнымъ, чѣмъ *Testamentum*, было названіе *Instrumentum (Vetus, Novum Instrumentum)*, которое встрѣчается у *Тертуліана* (см. выше), *Руфина* (*exp. symb. apost*) ²⁾, *Августина* (*de civ. Dei XX, 4*) ³⁾ и другихъ западныхъ отцовъ; или рѣже: *Vetus Scriptura (Tertull. adv. Prax. c. 15)*, ⁴⁾ *Vetus* или *Prisca Lex (Hieron. Prol. gal.)* ⁵⁾.

У писателей новозавѣтныхъ собраніе священныхъ книгъ В. Завѣта обозначается наименованіями: *ἡ γραφή* (2 Петр. 1, 20), *αἱ γραφαί* (Мѡ. 22, 29; Дѣян. 18, 24), или съ эпитетомъ *γραφαί ἁγία* (Римл. 1, 2), также *ἑρῶν γραμματα* (2 Тимѡ. 3, 15). Особеннаго вниманія заслуживаетъ названіе у Луки 24, 44: „*ὁ νόμος, οἱ προφῆται καὶ οἱ ψαλμοί*“, гдѣ цѣлое В. Завѣта обо-

¹⁾ *Migne P. C. C., ser. lat., t. II. Parisiis, 1878. Col. 390.*

²⁾ *Migne P. C. C., Ser. lat., t. XXI, coll. 335—336: Commentarius (n. a: aliis Expositio dicitur) in Symbolum Apostolorum, Col. 373, n. d.*

³⁾ *S. A. Augustini de civitate Dei libri. Ed. I. Strange. T. II. Coloniae, MDCCCL. P. 370.*

⁴⁾ *T. II, col. 196.*

⁵⁾ *De—Wette, S. 11; Omnes Veteris et Novi Testamenti codices juxta beati Hieronymi interpretationes, studio Antonii Koburger. Nurembergae, anno 1482. Prologus in libros Regum.*

значается при помощи перечисленія входящихъ въ него частей, и у Иоанна: „*ὁ νόμος*“ (10, 34; 12, 34; 15, 25; ср. 1 Кор. 14, 21; Иоан. 10, 34 цит. изъ Пс. 82 (81), 6), перенесенное съ Пятюннжія Моисеева на весь В. Завѣтъ. Совершенно согласны съ Н. Завѣтомъ въ обозначеніи ветхозавѣтныхъ книгъ Филонъ, Иосифъ Флавій и Иудейская синагога (напр., евр. ספרי, халд. ספרי вполне соотвѣтствуетъ новозавѣтному *ἡ γραφή*).

Библія В. Завѣта у современныхъ евреевъ обычно называется „законъ, пророки и писанія“—почти совершенно согласно съ упомянутымъ выше наименованіемъ ея въ Ев. Лукки. Для скорости и удобства въ употребленіи, евреи, съ свойственною имъ сообразительностью, вмѣсто длиннаго названія ספרי ונביאים וכתובים придумали условное обозначеніе для всѣхъ книгъ В. Завѣта: ספר, иначе ספר (тора ספר תורה—*KaulenS.* 154.), взявъ отъ каждаго изъ трехъ словъ по начальной согласной и присоединивъ къ нимъ произвольно выбранныя гласныя. Кромѣ этого, по 8, 8 Неемин, евреи называютъ В. Завѣтъ ספר קריאה чтеніе, или книга для чтенія (Keil, Bleek,—ср. „Коранъ“—отъ того же корня קרא). Нерѣдко также въ рукописныхъ и печатныхъ изданіяхъ евр. Библии можно встрѣтить заглавія: מקדש, *sanctuarium Iovae*, святилище Іеговы, בית מקדש, *domus sanctitatis*, домъ святости и под.; или: עשרים וארבעה—24, т. е. книги, ספר הארבעה ועשרים—книга 24-хъ, по счету свящ. книгъ, принятому раввинами¹⁾.

Чтобы составить себѣ понятіе о составѣ, числѣ и расположеніи свящ. книгъ В. Завѣта, разсмотримъ сначала ихъ собраніе въ русской и славянской Библияхъ, затѣмъ сравнимъ эти послѣднія съ Библиями латинской, греческой и еврейской. Въ русской и славянской Библияхъ, точно также какъ и въ латинской, помѣщается всѣхъ книгъ, если считать каждое заглавіе въ отдѣльности и не соединять двухъ и болѣе книгъ въ одну,—50. Размѣщены онѣ какъ у насъ, такъ и въ Вульгатѣ въ одинаковомъ порядкѣ: за Пятюннжіемъ слѣдуютъ кн. Іисуса Навина, Судей, Руфь, четыре книги Царствъ, двѣ Паралипоменонъ, 1-я Ездры, книга Неемин. 2-я Ездры, книги Товита, Іудийъ и Есфирь; затѣмъ Іова. Псалтирь, Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь Пѣсней, Премудрость Соломона и Премудрость Іисуса сына Сирахова; далѣе помѣ-

²⁾ *De-Wette.* S. 11.